

Некоторые полагают, что русские фамилии при своем возникновении в подавляющем большинстве случаев имели формы притяжательных (т.е. давались по предкам, реже владельцам, и отвечали на вопрос «чей?»). Поэтому основная масса русских фамилий имеет суффиксы -ов (-ев), -ин. Различие между ними формальное: суффикс -ов добавлялся к прозвищам или именам на твердый согласный, на -о или к прозвищам-прилагательным (Кутуз — Кутузов, Игнат — Игнатов, Гаврило — Гаврилов, Смирной — Смирнов), суффикс -ев — к именам или прозвищам на мягкий согласный (Игнатий — Игнатьев, Медведь — Медведев), суффикс -ин к основам на -а или -я (Гаврила — Гаврилин, Илья — Ильин) [2].

Однако, чтобы выявить самые характерные черты, отличающие русские фамилии от фамилий иных народов, надо обращать внимание и на их основы, и на их суффиксы. У стандартных русских фамилий достаточно выявить наличие русского суффикса, который может оформлять и нерусскую по происхождению основу, в том числе основу личного или прозвищного имени: Иванов, Керимов, Гулиев. Можно возразить, что Керимов, Гулиев — фамилии азербайджанские, Фазылов, Гумеров — татарские, Каримов — таджикская и т. д. Тем не менее, все они образованы по русским моделям и не имеют формальных отличий от собственно русских фамилий. Отмечают, что Бабаевым может быть русский и дагестанец, Юсуповым — русский и татарин, Караевым — русский и узбек. Такие фамилии, как Абрамовы, Моисеевы, Самсоновы, Давыдовы, Юдины, Самойловы, принадлежат почти исключительно русским; Семёновы, Козыревы, Исаевы могут быть не только русскими, но и осетинами [2].

Литература

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики, 2005, № 2. — Екатеринбург, 2005. — С. 52-70.
2. Горбаневский М.В., В мире имен и названий. — М.: Знание, 1987. — 208 с.
3. Журавлев А. Ф. К статистике русских фамилий // Вопросы ономастики. 2005, № 2. — Екатеринбург, 2005. — С. 126-147.
4. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 368 с.
5. lingvisticheskij-slovar.ru.

Р. Р. Виткалова, г. Тюмень

БЕЛОРУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ОКРУЖЕНИИ ГОВОРОВ ВИКУЛОВСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема взаимодействия языков как фактора, отражающего результат совместного проживания различных этнических образований, наравне с социальными, духовными, нравственными и экономическими проблемами, является актуальной не только для регионов России, но и страны в целом. Языковые контакты — это весомый показатель как собственного исторического развития языков, так и исторического бытия их носителей. Одной из важных задач современной лингвистики является изучение живой диалектной речи, в том числе и на территориях позднего заселения. Особый интерес вызывают диалекты, находящиеся во взаимодействии с говорами пришлых народов. Такая речь отражает сложные процессы междиалектного и межъязыкового взаимодействия носителей разных языков. В данной статье мы попытаемся расширить знания о лексической системе русского языка путем рассмотрения особенностей говоров Викуловского района при языковых контактах русских старожилов с белорусским населением, пришедшим на юг Тюменской области в начале XX века. В работе были использованы материалы, полученные от жителей с. Викулово, имеющих белорусское происхождение, а также от переселенцев из д. Ермаки Викуловского района в возрасте до 45 лет.

Согласно источникам, в конце XIX — начале XX веков в Сибирь активно начинают переселяться белорусские крестьяне. Исследователи отмечают, что выходцы из Белоруссии разделяли друг друга на

«минских» и «витебских», по губерниям, откуда они были родом. Помимо регионального принципа самоидентификации белорусы получали самоназвания, характеризующие их статус как пришлых. Так, в Западной Сибири таких переселенцев чаще всего именовали «самоходами».

В Викуловском районе белорусскими поселениями считаются деревни Ермаки, Осиновка, Жигули и Красная Елань, Нововяткино, кроме того, немало потомков белорусов проживает и в районном центре — селе Викулово. Опрос местных жителей показал наличие в их повседневной лексике слов, имеющих белорусское происхождение, также сельчане употребляют местные диалектизмы, доставшиеся в наследство от коренных старожилов.

Известно, что при языковых контактах любого типа лексическая сторона речи является наиболее восприимчивой к иноязычному влиянию, тогда как морфологическое строение, фонетика и синтаксис наименее подвержены различным действиям со стороны другого языка. Так, в речи информантов часто можно наблюдать явление взаимовлияния двух родственных языков. Например, русское слово заменяется его белорусским эквивалентом или адаптированной формой последнего. Такая речь получила название «трасянка» от белорусского «трэсці» — трести, перетрясать. Ср.: «*умывальник*» — «*рукомЫйница*», «*картофель*» — «*бУльба*», «*видеть*» — «*бАчыць*», «*пусть*» — «*хАй*», «*лук*» — «*цыбуля*», «*праздник Ивана Купалы*» — «*КостЁр*», «*пол*» — «*мОст*» (в Могилевской области *мАстом* называют деревянный дощатый пол), «*мама*» — «*мАць, мАцярь*». Также нами были выделены случаи замены белорусских слов на местные диалектные образования: ср. *чипИло* — ухват (бел. вилки), *рушИк* — фартук (бел. фартух), *калИвьа* — картофельная ботва (бел. бульбоўнік), *чЕчка, чЕча* — игрушка (бел. цацка).

Помимо этого, в повседневной речи носителей русско-белорусского диалекта активно используется и местная диалектная лексика, отражающая быт современной сельской местности. Записанные нами слова можно подразделить на несколько разрядов:

1) слова, обозначающие географические именованья: *бЕльник* — лес, с преобладанием березы («Там, за бельником они ходили». Вик.); *большАк* — широкая дорога («Уон, на большаке его видела». Ер.); *грИва* — длинная, широкая дорога («Мы через гриву приехали». Вик.); *елАнь* — поляна без леса («Мы с матерью на елань ходили за голубянской» Вик.); *кОлог* — островок леса в поле («Так ты за грибами в колог ходи». Вик.); *колдОбина* — яма на дороге («Ехал всю дорогу по колдобинам, всю машину отбил». Вик.); *лЬва* — лужа («Как прошел дождь, так лывы кругом». Вик.); *межА* — дорога между полями («Видел сегодня кабана, на меже стоял». Ер.).

2) названия степеней родства: *лЁля, лЁлька* — крестные отец или мать («Сережкин лёлька сегодня приходил», «Я ей лёлькой буду». Вик., Ер.); *мАмка* — мама («Моя мамка до девяноста прожила, ни разу ничего не пила (таблетки)». Вик.); *тАта, тАтка* — отец («Мой татка говорил, животину нечего мучить, раз и всё». Ер.); *срОдный (-ная)* — двоюродный брат или двоюродная сестра («Мои сродные в недалеко отсюда живут». Вик.).

3) отглагольная лексика: *бузИть* — обижаться («Ты, чо бузишь на меня?». Ер.); *напРавить* — налить какую-либо жидкость («Как малому пить охота, пойду молока ему направлю». Вик.); *подбЫгивать* — подсыхать («Как малехонько подбывает, можна траву идти драть». Вика.); *понужАть* — делать что-то очень быстро, с удовольствием («Налью ему, а он понужает (молоко)». Вик.); *трусИться* — бояться («Как самому ити, так трусится, пусть тогда не говорит»). Ер.); *шнЯвать* — ходить («Вчера по улице шнявала, дочу искала». Вик.); *шлЬндать* — ходить («Корова где-то весь вечер прошлындала, думала не придёт». Ер.).

4) различная бытовая лексика: *вехОтка* — мочалка («В бане посмотри, там вихотки были». Вик.); *западнЮшечка, западнЮшка* — туалет («Поди в западнюшку выкинь». Ер.); *казЁнка* — кладовая в доме («Он в казёнке спит, там прохладно, хорошо». Вик.); *литОвка* — длинная коса («Траву нынче литовками косили». Вик.); *мИска* — тарелка («Поди миски принеси». Вик.).

5) Слова, обозначающие животных и растения: *ягУшка* — ягнёнок женского пола («Маленькая ягушка на ножки встала, поправляется». Вик.); *голубЯнка* — лесная клубника («За мостом голубянки много». Вик.); *сморОдник* — заросли смородины («Пошли по грибы, а набрали на смородник». Вик.).

Таким образом, можно говорить о том, что в настоящее время среди сравнительно молодого поколения потомков переселенцев — самоходов уже не сохранилось ярко выраженных диалектных различий с говорами местного старожильского населения. Хотя их язык по-прежнему сохраняет мягкость и певучесть с участием мягких согласных, присущих белорусскому языку.

Литература

1. Вайнрайх. У. Языковые контакты. — Киев, 1978.
2. Багашев А. Н., Федоров Р. Ю. Принципы расселения и этнокультурные процессы в среде белорусских переселенцев Урала и Западной Сибири // Вестник археологии и этнографии. 2010, 2(3). — С. 182-190.
3. Жданович. И., Жданович В. (название статьи) // Советская Белоруссия. 2014. №15. С. 5-6.
4. Карелина Л. Ф. К вопросу о русско-украинском двуязычии в Тюменской области // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области: материалы областной научно-практической конференции «Межэтническая ситуация в Тюменской области и перспективы изучения родного языка». Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2004. С. 140-143.
5. Лабунец Н. В. Русская географическая терминология в ситуации языкового контакта: автореф. дис. ... доктор филол. наук. Екатеринбург, 2007. С. 46. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/russkaya-geograficheskaya-terminologiya-v-situatsii-yazykovogo-kontakta>.
6. Николаева О., Трухан Т. Русско-белорусский словарь. М.: ТетраСистемс, 2012. 576 с.

Ю. В. Домашова, г. Тюмень

ЖЕНСКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НИЖНЕТАВДИНСКОЙ СЛОБОДЫ КОНЦА XVIII в.

В русской исторической ономастике меньше всего внимания уделяется формам именования женщин, поскольку на протяжении многих веков они были социально бесправными.

В памятниках деловой письменности XI–XVII веков способы именования женщин не были упорядоченными и не отличались единообразием. Традиционно антропонимическая формула именования женщины зависела от именования мужчин. В редких случаях женщина именовалась непосредственно, с помощью личного имени. В большинстве случаев номинация осуществлялась способом, восходящим по происхождению к праславянскому языку — через имена мужа (андроним) или отца (патроним).

С целью подробного исследования и освещения вопроса, связанного с женской антропонимической системой Нижнетавдинской слободы конца XVIII века, в работе рассмотрим употребление антропонимов в метрической книге Велижанского села Вознесенской церкви за 1794–1801 года.

В процессе работы было проанализировано свыше 30 документов, фиксирующих основные этапы жизни автохтонного населения, а также рукописный памятник письменности конца XVIII в. — Метрическая книга Велижанского села Вознесенской церкви за 1794–1801 гг., в которой насчитывается 870 антропонимических единиц.

Рассматривая личные имена жителей Нижнетавдинской слободы в метрической книге Велижанского села Вознесенской церкви, можно заметить, что как мужские, так и женские имена (вне зависимости от их возраста и социального положения) представлены каноническим именником. Среди представленных заимствованных женских имен можно выделить следующие группы:

1. Имена, заимствованные из греческого языка: Настасья (Анастасия), Агафья (Агата), Анисья, Васса, Татьяна, Гликерия (Лукерья), Зения (Ксения), Елена, Параскева (Прасковья), Христина (Кристина), Евдокия, Ефросинья, Стефанида, Фекла, Меланья (Мелания), Федосья, Ефимья, Евпраксия, Катерина (Екатерина).

2. Имена, заимствованные из латинского языка: Марина, Клавдия, Матрона (Матрена), Наталья, Домника (Доминика), Агриппина, Юлія (Юлия), Устинья.

3. Имена, заимствованные из древнееврейского языка: Анна, Марія (Мария), Елизавета, Ева.

4. Имена, заимствованные из персидского языка: Дарья.

5. Имена, заимствованные из древнескандинавского языка: Ольга.